

ÓÑÒÎ É×ÈÃÎ ÑÒÛ Î ÕÎ ÕÎ È×ÛÈÕ ÐÃÑÕÐÑÎ Ã
È ÑÎ ÇÃÃÎ ÈÃ ÕÑÈÎ ÃÈÈ ÝÕÕÃÈÕÈÃÎ Î È Î ÕÎ ÕÛ

À òááóá ðáññî î ððáí Ù î ñî î áí Ùá =áðòù èðåçåñà î õî õî è=ùèò ðáñòðñî á Ðî ññèè á ñî =áðáí èè ñ î áèí è ÿÕÕáèèèáí î ñòùò ñî î ððèáí Ùò î õî ó á î õî õî è=ùèò õî çüèñòááò è í à çáì èýò áí ñóááðñóááí î î áí ðáçáðáí î áí Õî î áá. Ááí Ù î ðááèí æáí èý î î ðáõî ðî èðî ááí èò áí ñóááðñóááí î î áí ðááèèèðî ááí èý î õî ð- î î èúçî ááí èý.

Для России последних лет характерны разработки региональных стратегий устойчивого развития на перспективу до 2030 года. Воспроизводство биологических ресурсов осознается как условие устойчивого развития, что относится и к охотничьей фауне. Давно очевидно, что роль спортивной охоты несоизмеримо выше значения ее дорогостоящей мясодичной продукции, хотя и она могла бы существенно способствовать реализации приоритетных национальных проектов в сфере развития сельского хозяйства.

В интересах устойчивого развития страны следует учитывать следующие социально-экономические аспекты позитивной роли спортивной охоты:

А) Создание денежных потоков в сфере индустрии охотничьего оружия, боеприпасов и расходных материалов, снаряжения, связи, транспорта, и т. д. Организация дополнительных рабочих мест в сфере охотничьего хозяйства.

Б) Содействие развитию естественных наук, в т. ч. прикладных (например, охотоведения), распространение информации об охоте и охране природы через прессу, электронные СМИ.

В) повышение аксеологического восприятия природы на эстетическом и этическом уровне, а также через возрождение национальных охотничьих традиций;

Г) Формирование условий для внедрения ландшафтного планирования в сфере охоты и охотничьего хозяйства, повышения его эстетической ценности и биопродуктивности.

Д) Участие в возрождении демократических принципов гражданского общества через процессы создания и функционирования общественных организаций и фондов, а так же через взаимодействие этих структур с

государственными службами управления биологическими ресурсами.

Увлечение охотой позволяет охотнику:

А) Использовать увлечение спортивной охотой как вид отдыха на лоне природы.

Б) Получать физическое оздоровление, психологическую разгрузку с использованием рекреационного эффекта и выражения эмоций при испытании охотничьего азарта.

В) Приобщение к употреблению высококачественной здоровой пищи, в том числе в его эстетическом аспекте в естественных условиях.

Г) Повышение личной культуры созерцания дикой природы и укрепление дружеских связей.

Д) Возможность самореализации и приобретение специальных навыков и умений в процессе выслеживания и добычи дичи.

Если рассматривать охоту в контексте современной культуры, то это увлечение есть особая страсть, своего рода пробуждение генной памяти далеких предков. Это экстремальный вид отдыха, способствующий мужскому самоутверждению, своеобразный тест личной удачливости и надежности.

Культурная и психологическая роль охоты достигает цели только в том случае, если в угодьях обитают дикие животные и птицы. Иначе говоря, при совершении некоторых физических усилий, с применением определенных знаний, умений и навыков охотник имеет реальный шанс обнаружить и добыть дичь. Напротив, если в угодьях охотничьи животные отсутствуют, либо недосыгаемы в силу особенностей ландшафта, то процесс охоты порождает преимущественно негативный эффект. Вместо преобладания положительных эмоций доминирует откровенное раздражение и разочарование, которое при долговременном воздействии в ряде

случаев приводит к депрессионным агрессивным состояниям. Как следствие: увлечение алкоголем, интенсивное курение, плохое настроение, искушение браконьерством (ну, хоть кого-нибудь убить!), беспорядочная стрельба.

Любой охотник всегда помнит, что значит для него «удачно отстреляться», и что такое «черная полоса» неудач. Невезение всегда связано со значительными бесполезными физическими, эмоциональными и материальными затратами. Такое состояние предлагаем называть «экстремальная охота». На основании многолетнего опыта выделяем следующие ее признаки: – на утиной охоте за две зари подряд не сделано ни одного выстрела по дичи; – за день в угодьях пройдено более 10 км., и при этом, не встречено ни одного зайца либо лисицы; – за 3-4 загона на номера ни разу не выходит копытный зверь. То есть, рубежами экстремальной охоты являются бесполезные усилия и отсутствие какой-либо дичи. Из опросов охотников ожидаемый минимум – это увидеть дикое животное и хотя бы добыть на заре одну утку, зимой одного зайца, либо лисицу на 10 км. маршрута, на лицензионной охоте одно копытное животное максимум на три загона.

Не секрет, что в последние годы в Оренбуржье, да и практически во всей РФ, отмечается значительное снижение охотничьих ресурсов, в первую очередь копытных, зайца-русака, водоплавающей дичи. Показателем их дефицита может быть то, что на сегодня в области официально зарегистрировано 30 тыс. охотников и учтено лишь 20-25 тыс. зайцев. В документе, подтверждающем право охоты, официально разрешено добыть одного зайца за одну охоту. Даже если активно охотится лишь половина счастливых обладателей охотничьих билетов, то за три месяца охоты – декабрь, январь и февраль, а это как минимум 10-12 выездов, может быть отстреляно не меньше 100 тыс. зайцев. Следовательно, их ресурсы должны составлять, как минимум, 250 тыс. гол., что на порядок больше современной численности.

По оценкам отечественных экспертов, современная численность диких копытных в России составляет 2,7 млн. гол., при этом

ежегодная официальная добыча близка к 100 тыс. гол. Для сравнения: в начале XX века объем добычи копытных в Российской Империи превышал 1,25 млн. гол. По самым скромным оценкам ученых, ресурсы копытных в современной России могут быть доведены до 20 млн. гол. При этом годовая добыча может исчисляться миллионами голов. Этого количества хватило бы практически всем российским охотникам, которых насчитывается порядка 2 млн. чел. Опять же для сравнения скажем, что во многих странах с высоко развитым охотничьим хозяйством численность охотников сопоставима с российской, а в таких как Китай и США, соответственно, около 8 и более 35 млн. чел. Показательно, что такое количество охотников не сталкивается с острым дефицитом охотничьих ресурсов.

Развитие охотничьего хозяйства как отрасли экономики делает охоту доступной не только самым богатым, но и среднему классу, и даже менее обеспеченным гражданам.

Для нас наиболее очевидны следующие причины сокращения российских охотресурсов за последние десятилетия.

1. Резкое обеднение сельских жителей в начале 1990-х годов, вплоть до крайне бедственного положения, и занятие их охотой в целях пропитания.

2. Многолетняя безработица в сельской местности, в том числе райцентрах. Это приводит к появлению неорганизованного свободного времени, поиску нерегулярных доходов (мясо, шкура, рога, и т. п.).

3. Стремительный рост транспорта повышенной проходимости у обеспеченной части населения России. Широкое распространение вездеходов, снегоходов, моторных лодок, вертолетов и прочего транспорта, облегчающего доступ к ранее недоступным охотугодьям и ведение охоты в зонах воспроизводства дичи.

4. Рост материально-технического оснащения охотников, распространение многозарядного и нарезного охотничьего оружия.

Российские охотничьи ресурсы не просто сокращаются в количестве. Хуже то, они меняются качественно, выбиваются трофейные самцы воспроизводители. Буквально на

глазах одного поколения охотников прослеживаются изменения поведения дичи, направленные на снижение ее доступности для охотника. Произошла своеобразная селекция дичи. Приведем примеры из собственной практики.

1. Заяц очень редко идет на номер, особенно вдоль продольных ландшафтных элементов (посадки, овраги, поймы ручьев, и т. п.). Вместо этого заяц либо затаивается, либо круто уходит поперек или назад на прорыв линии загонщиков. Заяц ложится на дневку в ранее мало не типичных для этого местах, например, среди бурьянистых залежей или в глубине малопроезжих лесных посадок. Встает из такого укрытия при приближении охотника на дистанцию, значительно превышающую дистанцию прицельного выстрела. Зачастую остается в укрытии до последнего, подпуская охотника на минимальное расстояние и затем резким маневром на высокой скорости исчезает из поля зрения.

2. Дикие копытные применяют фланговый обход фронта номеров либо идут на прорыв линии загонщиков.

3. Утка сидит в укрытии настолько упорно, что выгнать ее может только собака, и то не любая.

4. Достаточно всего нескольких выстрелов вблизи водоема, чтобы надолго отпугнуть от него гусеобразных. Известны необъяснимые случаи их массовой откочевки с водоема за несколько дней или даже часов до открытия осенней охоты. Наблюдается «малый пролет» – смещение стай на выведение потомства из Оренбуржья в Казахстан, где охотничья нагрузка на уголья меньше.

5. Гуси используют новые правила безопасности следования миграционными коридорами.

Средняя высота пролета гусиных стай возросла настолько, что птицы недосягаемы даже для картечи. По выражению охотников, гусь «летит на кислороде».

На посадку на водоем идут почти вертикально на значительном удалении от берега и дружно стартуют «свечкой» при малейшей опасности, не оставляя охотнику ни малейшего шанса. Кроме того, изменились сроки и тактика сезонных миграций, особен-

но осенних. Так, осенью 2007 года в Оренбуржье пролет произошел в необычно сжатые сроки достойные эвакуации, в среднем с 15 по 17 октября. Наибольшая интенсивность пролета гусеобразных отмечается в ночное время суток. Местная утка приходит на водоем уже после захода солнца, практически в полной темноте, и покидает водоем ранним утром потемну. В течение дня утка и гуси находятся на полях, где недосягаемы. Орнитологи пока не дали этим фактам научного объяснения. В качестве возможных причин можно предположить высокие умственные способности гусеобразных, изменение климата и/или геомагнитной обстановки.

На наш взгляд очевидно, что изменения в поведении гуся представляют собой настоящую систему мероприятий направленных на спасение популяции, наводящую на мысль об элементах разума. Установлено, что гуси живут десятки лет. По результатам экспериментальных анализов орнитологи выяснили, что до 80% взрослых гусей несут в своем теле по крайней мере одну дробицу. Практически каждый гусь обстрелян. Выжившая птица набирается опыта, соблюдая строгую иерархию в стае, с особой тщательностью преодолевает малейшие подозрительные места. Опыт «противоохотничьей обороны» успешно передается подрастающему поколению, птенцы обучаются не только летать, но и выживать при таком сильном охотничьем прессе.

Ясно, что такая дичь уже не может играть роль нормального охотничьего ресурса, способного удовлетворить растущий охотничий спрос.

Итак, уже несколько десятилетий назад установилось очевидное несоответствие запросов и оснащенности современных охотников возможностям экстенсивного воспроизводства охотресурсов. Поскольку животный мир относится к мигрирующим биоресурсам, то по действующему законодательству он может быть только государственной собственностью. На фоне проводимых рыночных преобразований управление охотресурсами напоминает рефугиум советской административной распределительной системы. Государство прочно удерживает в своих руках право собственности на охотничьи жи-

вотных. Наблюдается, например, усиление государственной опеки госрезервфонда – бесхозных малопродуктивных охотугодий – хотя, ведущие охотоведы уже десятилетия назад пришли к выводу о целесообразности закрепления за пользователями как можно больше угодий с широкими правами.

Вопросы квотирования объема добычи охотничьих видов животных по-прежнему решаются государственными органами управления. Само по себе это не страшно, государственный орган вполне в состоянии поддерживать воспроизводство охотресурсов, но для этого ему требуется целая система детального учета и биологического мониторинга охотресурсов, которая в настоящее время разрушена. К тому же, необходимо иметь целый штат высоко компетентных экспертов, прежде всего в регионах. Готово ли государство на все эти затраты с неизвестными перспективами адекватной отдачи от охотугодий?

Возникает вопрос: если государство и дальше будет развивать охотхозяйственную деятельность на землях своего резервного фонда и продавать право охоты, прежде всего на дорогостоящих копытных, то будут ли заинтересованы органы управления охотпользованием в дальнейшей передаче земель госрезервфонда в аренду?

Следует признать, что пока охотпользование развивается по принципу «не пускать», доминируют запретительно-чиновничьи меры. Даже аренда угодий в настоящее время влечет за собой прежде всего ограничение широкого доступа. Как правило, арендаторы берут угодья для узкой группы лиц, не ставя своей целью масштабное увеличение охотресурсов. Дефицит охотничьих ресурсов в условиях современной аренды сохраняется. Возможно, низкая численность диких животных не мешает элитным охотпользователям удовлетворять свои потребности, однако противоречит интересам широкого круга охотников. Сегодня мало выкупить право на охоту (путевку), надо еще и приложить более значительные усилия и затраты для поиска, обнаружения и добычи зверя.

Существует ряд организационно-правовых проблем, связанных с долгосрочной

арендой охотничьих угодий. Берутся в основном сельхозугодья или лесопокрываемые площади, уже имеющие юридического собственника земли, при этом животный мир остается полностью государственной собственностью. Квоты на отстрел по-прежнему выдаются государством не учитывая законные интересы новых владельцев земли. Сколь выгодно арендатору разводить дичь, по существу, ему не принадлежащую или наблюдать появление охотников на своей земле? Арендовать на таких условиях охотничьи угодья находящееся в собственности чужого дяди (землепользователя, лесопользователя и т. п.) целесообразно лишь в целях перераспределения получаемых квот, чтоб хватило хотя бы узкому элитному кругу.

На наш взгляд, дефицит охотресурсов преодолим путем введения интенсивных методов в охотничьих хозяйствах с элементами дичеразведения. Этому могло бы способствовать следующее:

1. Частичная собственность на землю с правом охотхозяйственного управления угодьем или аренда с тем же правом. Это создаст базовые условия эффективной защиты ключевых охотхозяйственных территорий и собственности.

2. Государственная собственность безусловно целесообразна на редкие и исчезающие виды фауны (прежде всего не подлежащие охоте) и лицензионные особо ценные охотвиды (медведь, морж, киты, и т. п.). Однако, такие потенциально массовые виды как зайцы, куропатки, фазаны, утки, и т. п., разумнее отдавать в собственность или аренду лицам, желающим вести интенсивное охотничье хозяйство посредством дичеразведения. Копытных пока следует дифференцировать в зависимости от отзывчивости вида на биотехнику. Например, кабана как наиболее плодовитого зверя, требующего подкормки, целесообразнее передать в негосударственную собственность либо аренду. Арендную плату вполне можно рассматривать в качестве государственной охотничьей ренты, формирующей, в частности, цены на угодья и на право охоты.

3. Необходимо упростить условия лицензирования дичеразведения.

4. В число приоритетных задач деятельности государственных органов, осуществляющих охотничий надзор, включить содействие реализации проектов по созданию интенсивных охотничьих хозяйств. По мере роста числа таких хозяйств охотпользование неизбежно перейдет от административных и запретительных способов управления охотресурсами к экономическим, основанным на личной заинтересованности владельца или арендатора, что значительно повысит охотничье-ресурсный потенциал регионов.

5. К компетенции государственных органов управления охотничьими ресурсами следует отнести прежде всего стратегическое планирование и определение рамочных условий развития охотхозяйств и видов охотничьих животных. Под таковыми мы понимаем:

а) принятие решений по вопросам нормирования масштабов пополнения охотничьих ресурсов, адекватных пропускной спо-

собности, спросу и экологической емкости ландшафтов региона,

б) разработку концепций охотхозяйственного зонирования регионов и методов охотустроительных работ на основе ландшафтного планирования.

в) формирование регионального экологического каркаса с учетом ключевых охотхозяйственных территорий, миграционных коридоров и особоохраняемых территорий..

Охотничье хозяйство должно представлять собой долговременный бизнес, извлекающий доход из спортивной и рекреационной охоты, реализующий конституционное право на отдых, очевидно нуждается в устойчивом развитии охотничьих ресурсов. Правда, вести речь об устойчивости этих ресурсов применительно как к Оренбургской области, так и к России в целом, можно будет после их увеличения на порядок – доведения численности основных охотничьих видов животных до оптимального уровня.